

Борис и Людмила Заркуа

Эстафета памяти

Невыдуманные истории

12+

Людмила Заркуа
Эстафета памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Заркуа Л. А.

Эстафета памяти / Л. А. Заркуа — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Данная книга является совместным трудом Бориса и Людмилы Заркуа - двух «молодых» людей, которым по 83 года каждому. В этой книге они делятся невыдуманными историями о военном детстве и послевоенных годах. Также книга содержит поэтическое творчество Бориса Заркуа. Авторы считают своим гражданским долгом передать эстафету памяти о тех годах своим детям, внукам, правнукам и всем тем, кто продолжает благородное дело поиска и идентификации и информирования возможных родственников о без вести пропавших героях.

Содержание

Детство, опалённое войной	9
Война глазами детей.	9
Это страшное слово – голод.	12
Первая встреча с фашизмом.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Данная книга является совместным трудом Бориса и Людмилы Заркуа – двух «молодых» людей, которым по 83 года каждому.

Встретились мы на Казахстанской целине почти 57 лет тому назад и с тех пор не расстаемся. Оба мы прямые наследники и потомки поколения победителей, внесших заметный вклад в великую Победу над чумой 20 века—фашизмом.

Мы как носители эстафеты памяти считаем своим гражданским долгом передать эту эстафету своим детям, внукам и правнукам, а также всем тем, кому не безразлична историческая правда о том, как ковалась великая Победа.

Вступление

Трудно найти в нашей стране семью, которой не коснулась бы своим черным смертоносным крылом самая масштабная, самая кровопролитная, самая жестокая и беспощадная война. Война несправедливая, не мотивированная, не за какую-то незначительную территорию, война не на жизнь, а на смерть, война на уничтожение.

Военная, экономическая, политическая, информационная мощь шестнадцати государств Европы и других континентов обрушилась на нашу страну – Советский Союз.

Гитлер и его ближайшее окружение даже не скрывали, что их главная цель не просто победа над Советским Союзом, а его полное уничтожение как государства, большая часть населения которого подлежит просто уничтожению, а оставшаяся часть подлежит превращению в рабов, которым предстоит обслуживать господ завоевателей в основном арийского происхождения.

И блицкриг, и план Барбаросса показали, что эти преступные планы подлежат осуществлению не в далеком будущем, а в ближайшее время. Таким городам как Ленинград и Москва с их великолепными музеями, театрами, архитектурными сооружениями всемирного значения, в том числе бесподобный, не имеющий аналогов в мире Петергоф с Петродворцом и технически совершенными (без насосов) фонтанами, а также прекрасные парки, скверы, мосты должны были быть, по замыслу фашистов, полностью уничтожены.

Москва, Ленинград, Сталинград, Смоленск и ряд других городов подлежали уничтожению, превращению в руины и стёрты с лица земли.

Внезапное нападение, численное превосходство армии фашистов и их союзников, подавляющее господство в воздухе, более мощный морской флот, включая подводный, привели к тому, что спустя уже несколько месяцев армии врага блокировали Ленинград и стояли уже под Москвой, в тридцати километрах от центра. Шли жесточайшие бои в Сталинграде и в Крыму, особенно за Севастополь. Защитникам Севастополя пришлось воевать не только с сухопутными силами, многократно превосходящими их, но и без всякого прикрытия с воздуха. Перед матросами, морскими десантниками стояла задача просто продержаться любой ценой, без права отступать, хотя бы несколько недель, несколько дней, пока Ставка Верховного не сформирует из своих скудных резервов новые отряды защитников и не перебросит их в Крым.

Даже детям войны, знающим не понаслышке, что такое голод, холод, фашистская оккупация, периодические бомбёжки трудно представить себе положение и состояние защитников Крыма и Севастополя в частности. Одно дело, когда воинское подразделение, батарея, взвод, полк, батальон и т.д. держат оборону на определенном участке или, готовясь к решающей атаке, знают, что слева и справа от них свои ребята, готовые помочь в трудную минуту, а сзади надёжные тылы, готовые во время подвезти недостающие боеприпасы, накормить, напоить и поддерживать морально. И совсем другое дело, когда ты знаешь, что вокруг тебя одни враги, и помощи ждать в ближайшие часы и дни не приходится, а боеприпасов уже нет и отступать нельзя. Ты даже не можешь вызвать огонь на себя. Единственное, что ты можешь – это отдать свою жизнь как можно дороже, уничтожив побольше фашистов.

На фото Борис Заркуа, 1962 год.

Автору этих строк случайно довелось встретиться с двумя участниками боёв за Севастополь и Одессу, чудом оставшихся в живых, вернувшихся на большую землю, послуживших Отчизне, как в военное, так и в послевоенное время. И даже поучаствовать в создании и испытании новейшего вооружения Советской Армии, в том числе и испытании первой атомной бомбы в районе Семипалатинска (Казахстан).

Только после того, как они узнали, что мой отец, тоже защищал Севастополь и числится в без вести пропавшим до сих пор, они рассказали многие конкретные эпизоды о беспощадных боях тех дней и героических бойцах и командирах, отдавших свои жизни за Севастополь

и Крым. И хотя о боях за Севастополь, Одессу и других городах Крыма написано не мало, созданы и показаны многие документальные и художественные фильмы, названы имена многих героев, созданы мемориалы и музеи, рассказывающие о подвигах.

Однако много белых пятен в истории и в памяти людей о тех бойцах и командирах, которые бились с врагом не менее героически, но их имена и места захоронения неизвестны до сих пор. И наша задача, ныне живущих, передать эстафету памяти своим детям, внукам и правнукам и всем тем, кто продолжает благородное дело поиска и идентификации и информирования возможных родственников о без вести пропавших героях.

Детство, опалённое войной

Война глазами детей.

Село Красное затерялось в глубинке Ладожского района, прижавшись своими заливными и цветастыми лугами к левому берегу реки Кубань. Состоящее всего из трех улиц и полусотни дворов, село ничем особенным не отличалось от других. Разве только тем, что один из немногих кирпичных домов, принадлежащий когда-то раскулаченному богатому селянину, был отдан под сельскую начальную школу.

Неожиданно для тогдашнего руководства страны, через несколько месяцев после начала войны, фашистская оккупация дошла до городов и сел Краснодарского края.

Во время оккупации мама старалась не отпускать нас с сестрёнкой от себя. И делала всё возможное, чтобы мы как можно реже попадались на глаза немцам. Во время облав и обходов полицаев прятала нас в небольшом погребе. Правда, я не всегда выполнял мамины приказы.

В один из пасмурных дней оккупации к нам пожаловал, назначенный фашистами, староста села. Войдя в дом, он по-хозяйски осмотрел все три комнаты, и, вальяжно усевшись на стул, небрежно спросил у мамы: «А где твои гадёныши?» Мама встрепенулась: «А зачем они Вам?» «Сейчас вопросы задаю я!» – нагло ответил староста и добавил: «Короче, быстро собирайтесь и айда со мной!» «Куда, зачем?» – заволновалась мама. «Там узнаете!» – ехидно усмехнулся староста и дал понять, что разговор окончен. Как выяснилось позднее, кто-то из соседских «доброжелателей» донёс фашистам, что мама – жена советского офицера, что она – еврейка да ещё плохо отзывалась о господах немецких офицерах. И нас вызвали на допрос немецкого трибунала. К тому времени мы уже знали, что из-за «стукачей» две семьи из села были уже расстреляны, а три семьи вместе с детьми были угнаны в Германию.

В просторной комнате за длинным столом сидели трое немецких офицеров. В торце стола, по правую руку от немцев сидел переводчик, по левую сторону сел староста села, поближе к нам, обвиняемым. У двери стоял вооруженный охранник. На допрос были вызваны две семьи: мы – мама, я и младшая моя сестренка, и другая семья – женщина лет тридцати с двумя сыновьями. Мы были вторыми по очереди, так как староста привёл нас позднее. Перед началом допроса первой семьи сестрёнка, дёрнув бледную маму за руку, что-то шепнула ей на ухо. Мама через переводчика попросила господ офицеров сводить дочку в туалет. После обмена мнениями немцы разрешили маме выйти с сестрёнкой в сопровождении часового. Я остался один и стал невольным свидетелем допроса.

Трудно подобрать слова о моих ощущениях и мыслях на допросе. Когда, стоявших рядом со мной мальчишек заставили раздеться догола, я сначала подумал, что сейчас их будут бить плёткой, и сделает это, скорее всего, бородатый староста, который смотрел на нас очень недобрым взглядом. Но вдруг меня, как токомшибануло. На какое-то мгновение я оцепенел. До меня дошло, наконец, что этих мальчишек вместе с мамой собираются не просто бить, а – убить! Лишить жизни! И от них через какое-то время ничего не останется. Ничего! Тоже самое эти люди, нет, нет не люди, а звери могут сделать и со мной, с моей мамой и моей сестрёнкой. Меня охватил жуткий, животный страх. Хотелось закричать на весь мир (свет): какой же это мир без меня, без мамы, без сестрёнки и друзей. Это же невозможно! Этого не может быть! Этого не должно быть!

Но ком застрял у меня в горле. Дрожь прошла по всему телу. Хотелось срочно бежать, куда глаза глядят с этого проклятого места. Но ноги не слушались. И я стоял в полном оцепенении. На мгновение даже мелькнула шальная мысль; вот сейчас, очень скоро я узнаю, как

человек переходит черту между жизнью и смертью, и что находится там за чертой жизни. Тут же оборвал себя. Ведь если я умру, то кто и как узнает о моих впечатлениях, о моём знакомстве со смертью. От волнения я не понял, в чём обвиняется эта семья, и не запомнил, что отвечала женщина. Не разобрал и каким был приговор стоящим рядом со мной женщине и двум её сыновьям. Но по тому, как вскрикнула женщина, заплакали мальчишки, как женщина впала в истерику, я понял, что случилось что-то ужасное, непоправимое. Женщина приблизилась к столу, бросилась на колени и умоляла господ офицеров помиловать их, клялась, что они ни в чём не виноваты, но старший офицер дал знак часовому и тот грубо схватил плачущую женщину за волосы одной рукой и за шиворот старшего мальчика – другой, потащил их к выходу. Дико озираясь по сторонам, я хотел рвануться и побежать вслед удаляющейся компании. В это время у входных дверей произошло какое-то замешательство. И в открытую входную дверь в комнату вошли мама с сестрёнкой в сопровождении какого-то офицера. В два прыжка я оказался возле мамы и судорожно обхватил её колени. Казалось, никакая сила не сможет нас теперь разъединить ни на этом, ни том свете. Я что-то громко кричал (так мне казалось). На самом деле, я просто шептал, умолял: «Мама, мамочка, мамуля! не бросай меня, не оставляй одного!»

А мама нежно гладила меня по голове и также шепотом приговаривала : «Успокойся, милый, успокойся, я тебя никогда не брошу. По крайней мере, пока жива». И мы прошли на своё место у стенки по правую руку от входной двери. Сопровождавший маму румынский офицер (в это время Румыния воевала на стороне Германии) подошёл к столу, за которым заседала «тройка» трибунала и шепотом что-то сказал старшему. Переговорив со своими помощниками, председательствующий задал маме несколько вопросов. Переводил их румынский офицер. Мама с заметным волнением, но твёрдо отвечала на вопросы. Ещё раз, переговорив между собой, трибунальщики вдруг, как по команде, встали и председательствующий, уже через переводчика, сказал примерно следующее: «Фрау, Роза, то есть мадам, точнее гражданка Роза (тут он, как мне показалось, даже улыбнулся) Великая Германия, в этом месте он принял торжественную, величавую позу, прощает Вас и надеется на Ваше благоразумное поведение, особенно в части высказываний по поводу офицеров непобедимой немецкой армии». И закончил, как выстрелил: «Вы – свободны!» Мама, поклонившись, схватила на руки сестрёнку и, не отпуская мою руку, быстрым шагом направилась к выходу.

Что происходило за дверями трибунала во время отсутствия мамы и сестрёнки, я узнал позднее из беседы мамы с её лучшей подругой Ольгой. Догадываясь, чем может закончиться заседание трибунала, мама решила бежать с сестрёнкой на руках. Пока их будут искать или догонять, полагала она, обо мне на время забудут и я, как смысленный малый, смогу убежать. Идея, конечно, была бредовой, но ничего лучшего на тот момент мама придумать не смогла.

Когда мама со всей очевидностью поняла, что бежать ей некуда и бессмысленно, повернула назад к зданию, где заседала тройка, думая, что можно предпринять. Недалеко от крыльца группа офицеров в форме румынской армии о чём-то оживлённо спорили. Решение созрело мгновенно: «Ведь я же знаю румынский язык». Ещё не зная, что и кому скажет, она направилась к этой группе мужчин, среди которых особо выделялся высокий, красивый, стройный офицер. Чувствовалось, что он был душой компании. Подойдя поближе и, глядя на этого офицера, она сказала: «Господин офицер, можно вас отвлечь на две минуты? Это очень важно и срочно». Улыбчивый офицер, извинившись перед компанией, подошёл к маме и спросил: «Вы румынка?» «На половину» – ответила она. «Это интересно, внимательно слушаю Вас». Мама, на ходу сочиняя «легенду» рассказала, что её родная бабушка румынка, папа – молдаванин, а муж – русский, который привёз её из Кишинёва в Краснодар и, якобы, бросил перед самой войной. «Всё, дальше можете не рассказывать, я всё понял. Вас вызвали на допрос? Пойдёмте» – и они втроём поднялись на крыльцо. Остальное уже известно. В этот момент пришли к нам

на помощь небесные силы. Называйте их, как хотите – Господом Богом, Иисусом Христом. Святой Богородицей, Ангелами Хранителями.

Видимо, на тот момент и я, и мама, и сестрёнка не выполнили ещё своих миссий на этом свете, предписанных нам судьбой. Что же касается нашего спасителя румынского офицера, мама отблагодарила его самой дорогой вещью, которая на тот момент у нас осталась – золотой цепочкой, подарком бабушки перед маминой свадьбой.

Несмотря на то, что мне тогда ещё не было и пяти лет, в детской памяти четко отпечатались некоторые эпизоды той страшной фашистской оккупации.

Я стал, например, свидетелем, как группу стариков, женщин с малыми детьми и небольшими узелками в руках, и несколькими подростками, в сопровождении двух фашистских автоматчиков с овчарками вели, якобы, для отправки в Германию, а фактически на расстрел. Всех их нашли мёртвыми в противотанковой траншее за селом. Об этом на следующий день рассказал, чудом уцелевший поле расстрела, подросток. Его спасла мать, которая при первых выстрелах обхватила сына и, приняв на себя несколько пуль, увлекла сына за собой в траншею

Вместе с друзьями, я узнал, что несколько мальчишек, которые пытались выкопать мёрзлую картошку, получили ранения из дробовика от местного охранника, перешедшего на службу к фашистам.

В хорошо оборудованных усадьбах с высокими заборами, разместились в основном господа офицеры арийского происхождения, то есть немцы. В домах похуже поселялись румыны и мадьяры. А поскольку у нас не было ни сада, ни огорода, ни даже забора, в нашем скромном саманном домике постояльцев не было. За исключением усадеб с высокими заборами, усадьбы поскромнее подвергались набегам со стороны рядовых и чинов рангом пониже, которые беззастенчиво забирали у селян свиней, уток, кур и другие приглянувшиеся им вещи. Тем не менее, мои друзья два раза совершили небезопасную вылазку и посетили одну из усадеб с высоким забором, где созрели шикарные яблоки. Как всегда, первым перемахнул через забор и оказался на яблоне, я. Эта вылазка едва не закончилась трагически: в это самое неподходящее время вышел из дома хозяин и направился в сторону яблони, на одной из веток которой сидел я. Пришлось прямо с ветки прыгать через забор. И мы втроем еле унесли ноги. На этом наши вылазки не закончились. Мы еще собрались посетить охраняемое картофельное поле. И, учитывая горький опыт наших предшествующих селян, разработали такой стратегический план: лопат с собой не брать, а захватить по паре длинных гвоздей. План был до гениальности прост: я захожу с одной стороны поля, произвожу шумовое оформление, обращаю на себя внимание, а когда полицай направляется в мою сторону – убегаю. В это время двое моих друзей в скоростном режиме выкапывают картошку. По договоренности встречаемся в овраге. Операция прошла успешно.

Вспоминаю, что наш атаман Пашка нередко отлучался в лесок, как он там тогда говорил, «по грибы». Лишь после ухода фрицев, а точнее, уже после войны мы узнали, что наш старший друг был связным с партизанами. Более того, он же договаривался о месте встречи с партизанами для передачи сведений о расположении немецкого штаба и офицеров, а также части собранных продуктов и предметов первой необходимости (в первую очередь мыла, спичек, соли и проч.), а также молока для раненых партизан.

Как видите, и мы, простые мальчишки, не только страдали от голода и холода, не только дрожали от страха, но вольно или невольно способствовали изгнанию фашистских захватчиков с нашей благодатной кубанской земли.

Это страшное слово – голод.

Девчонки и мальчишки, а также их родители!

Когда на ваших глазах на помойку выбрасывают не только куски, но и целые буханки хлеба, над приготовлением которого трудились, если не тысячи, то сотни людей- трудолюбивых: пахарь, сеяльщик, тракторист-комбайнёр, пекарь, а также шахтёр, газодобытчик, энергетик, работники торговли и т. д. то знайте, что это большой грех. Замедлите свой ход или бег, остановитесь, внимательно посмотрите вслед летящей в мусорный контейнер, буханке хлеба и хотя бы мысленно извинитесь за этих людей – ваших соседей по дому, квартире, работников ближайшей школы, а возможно и ваших родственников. И если ещё живы ваши бабушка с прабабушкой, а ещё лучше прабабушка с прадедом, вспомните о них. При первой же возможности спросите их, как дорого ценился этот хлебушко, самый важный для человека продукт в пору их юности и зрелости. *И* они подтвердят вам вместе с автором этих строк, что не только взрослые, но и дети военного и довоенного времени порой не только за буханку хлеба, но и лукошко зерна, за пол ведра картошки, за несколько яиц, нередко рисковали своим здоровьем, и даже жизнью.

В подтверждение сказанного поведаю вам невыдуманную историю, которая прошла по моей судьбе и по сей день тревожит мой, стариковский сон.

Многие горожане, испытавшие на себе «прелести» самой страшной и кровопролитной войны в своих воспоминаниях жалуются на то, какими были мизерными хлебные пайки, и как их родители и они радовались полученными из-за океана в виде гуманитарной помощи баночкам тушенки. А мы, сельские дети войны, ни слухом, ни духом не ведали о хлебных пайках (карточках), а о банках тушенки не могли и мечтать.

До фашистской оккупации села, практически в каждом дворе были куры, утки, в каждом втором – поросята, козы, бурёнка, а то и с приплодом. Спустя несколько месяцев после прихода проклятых «фрицев» вся эта живность куда-то улетучилась. Редкостью стали даже собаки и кошки. Колхозные поля и сады стали запретными зонами, где дежурили вооруженные русские полицаи, согласившиеся сотрудничать с фашистами. И началось то, что называется одним коротким страшным словом голод.

Не знаю, как взрослые, но мы, пацаны и девчонки военного времени, засыпали и просыпались с мечтой о пище, со страстным желанием ощутить необыкновенный вкус и запах кусочка хлеба.

Людам, родившимся после 1947 года, когда были отменены талоны на хлеб, всем, кому довелось испытать нищету и голод, не понять этого состояния. Когда за кусок хлеба ты готов отдать, если не всё, то последнюю рубашку, наверняка. Голод так доставал, что когда ты видел, что кто-то жуёт кусочек хлеба, нестерпимо хотелось броситься, выхватить этот желанный кусочек, быстро проглотить, а там... что будет. Для мальчишек посмелей и бесшабашней в период оккупации большой удачей и радостью была мороженая картошка, выковырянная гвоздем с уже заснеженного картофельного поля, охраняемого полицаем с дробовиком, и запеченная на костре где-нибудь в овраге, подальше от села.. И, хотя риск получить порцию дрови или соли в часть тела, что выше колен, был достаточно велик, но картошечка, пусть и мороженая, но запеченная на костре, стоила того.

На зерно, картошку, подсолнечное масло менялось всё, что пользовалось спросом: одежда, обувь, мебель, уцелевшие изделия из золота и серебра, старинные монеты и т. д. Но, как говорится, всему когда-то приходит конец. Относится это и к оккупации. Когда последние машины, мотоциклы и телеги с оккупантами и с частью награбленного, спешно покидали село, трое друзей- соседей с одиннадцатилетним атаманом Пашкой во главе стояли на пригорке у развилки дорог за селом и с чувством гордости победителей смотрели на то, как «фрицы дра-

пают». Вдруг мальчишки услышали шум и, повернувшись в сторону противоположную удаляющейся колонны немцев, видят, как на большой скорости навстречу им мчатся два мотоцикла с коляской. «Наверное, наши разведчики» – вслух предположил Пашка, и они спокойно остались стоять на месте

Каково же было их удивление, когда рядом с ними резко затормозили два немецких экипажа автоматчиков на мотоциклах с коляской. Один из немецких офицеров на ломаном русском языке спросил, в каком направлении уехали немецкие войска. Богдан уже сделал пол шага вперёд, чтобы указать это направление, когда Пашка, больно ущипнув его, вышел вперёд и уверенно показал рукой. Но не в ту сторону, куда отступили немцы. Мотоциклисты помчались туда, куда указал атаман нашей команды из пяти пацанов. Я был там самым младшим, откуда, как оказалось, наступали наши войска.

Эта неожиданная встреча с фашистскими автоматчиками имела для этой мальчишеской троицы довольно приятные последствия.

На следующий день на площади перед зданием сельсовета состоялся сход граждан села и короткий митинг. Перед жителями освобождённого села выступил политрук, который поздравил селян с освобождением и поблагодарил всех жителей села и местных партизан за содействие и помощь. Эта помощь и поддержка позволила красноармейцам освободить несколько сёл, в том числе и село Красное с минимальными потерями. В конце речи политрук отметил, что советской армии помогали не только взрослые, но и дети оккупированных территорий. Перекинувшись несколькими фразами с «особистом» (представителем НКВД) политработник предоставил тому слово. Чекист тоже поблагодарил селян за помощь в их специфической работе по борьбе с фашистами. В заключение, он достал из планшета листок и, прочитав имена вышеназванной троицы пацанов, попросил их выйти вперёд. Тут-то он и рассказал, что фашисты, которых Пашка направил в противоположную сторону, были взяты в плен нашими разведчиками и дали ценные показания. Эти же пленные на допросе рассказали о трех мальчуганах, которые указали им ложное направление. По их показаниям и были вычислены Пашка и его друзья.. Под одобрительные возгласы и аплодисменты селян от имени командования политрук объявил всем троим благодарность, пожал руки, а Пашке вручил командирские часы. После окончания митинга ординарец политрука повёл всех троих к повару полевой кухни и велел накормить, а также выдать каждому по буханке хлеба.

Такой вкусной армейской каши мальчишкам ни до того, ни после кушать не доводилось. А бережно, без надкусов, доставленная домой буханка хлеба стала праздником для каждой из всех трёх семей. Все трое мальчишек чувствовали себя в этот момент повзрослевшими героями, а соседские пацаны завидовали им белой завистью.

Первая встреча с фашизмом.

Рассказ Людмилы – дочери Антона Тимофеевича Бобрика

Начало войны я встретила в доме бабушки Меланьи Федоровны Мороз, в городе Пролетарск, Ворошиловградской (ныне Луганской) области, куда мы переехали накануне на постоянное место жительства. Дом был не большой, но добротный, сработанный собственными умелыми руками дедушки Ивана Саввича, кузнеца по профессии. К сожалению, дедушку я не застала в живых, так как он трагически погиб в 1934 году. На момент нашего приезда в доме вместе с бабушкой жили две младшие мамины сестры : тетя Дуся и тетя Вера. Кроме описанного дома у бабушки была довольно солидная усадьба с садом и огородом , а также временкой, где молодые дедушка и бабушка начинали свою семейную жизнь в период строительства дома. Как у хороших хозяев, во дворе были сарайчики для свиней, для кур или как мы их называли поросятники и курятники. Вся усадьба была обнесена высоким, как мне тогда казалось, деревянным забором из штакетника. Папа, устроившись на работу в Площанскую МТС Ворошиловградской области, пропадал там целыми днями, я его очень редко видела.

Мой рассказ о доме был бы неполным, если бы я не рассказала о его некоторых достопримечательностях. Во-первых, дом, в отличие от большинства ближайших домов под соломенной крышей, был под красной черепицей, с высоким чердаком, где зимой и в любую дождливую погоду можно было сушить белье и где хранились продукты, которым не нашлось места в самом доме. Во-вторых, дом имел оригинальную планировку: при входе в дом вы попадали сразу на большую остекленную террасу по всей ширине дома. Пройдя по террасе влево, попадаешь в небольшие сени, из которых был вход в одну из жилых комнат, которая одновременно являлась и кухней. В ней была так называемая плита, обогревавшая сразу обе комнаты. Особый интерес представляла вторая комната, так называемая зала .Она была значительно больше по размеру с замечательным из красного дерева с резными узорами шифоньером, подаренным бабушке её отцом к свадьбе. Шифоньер этот примечателен тем, что его изготовил собственноручно отец бабушки, известный на всю округу столяр-краснодеревщик. В правом верхнем углу комнаты размещался религиозный уголок с образами и висела лампадка,

которую бабушка зажигала по праздникам и во время молитвы. Ниже лампы была полочка , покрытая красивой кружевной салфеткой. На эту полочку можно было поставить свечи, освященные в церкви куличи и крашеные яйца. А теперь о самой главной примечательности этой залы – необычном, непривычном для тех времен, идеально ровном блестящем, несмываемом покрытии пола. Из рассказов бабушки я запомнила технологию изготовления этого необычного покрытия. Идеально обструганные доски плотно укладывались на строго выверенные лаги, затем доски хорошо пропитывались олифой, по олифе укладывали слой марли. На пропитанную и просушенную марлю укладывали слой ситцевой ткани, которую снова пропитывали олифой, а затем после просушки наносили слой масляной краски .Поверхность получалась ровной и гладкой. Последним этапом было неоднократное вскрытие лаком. Мыть такой пол было одно удовольствие.

Если у большинства домов старушки обычно сидели на глиняных завалинках, то за забором у дома бабушки стояли прочные с металлическим каркасом деревянные скамейки.

Я не случайно упомянула в начале рассказа о высоком, как мне тогда казалось, заборе. Играя с подружками во дворе бабушкиного дома, мы услышали, что какие-то немцы вошли уже на нашу улицу. Мы, естественно бросили свои игры и кинулись к забору. Ловко взбравшись на него, мы увидели следующую картину: несколько огромных трехколёсных мотоциклов с колясками и в каждом из них по три вооруженных немца в шлемах и касках, в огромных защитных очках мчались на большой скорости, как будто куда-то опаздывали. За ними ехали грузовики с открытым кузовом, в которых сидели вооруженные и в касках немцы. Грузовики

начали останавливаться у некоторых домов, солдаты спрыгивали и по-хозяйски входили во дворы. На этом наши наблюдения закончились, так как вышедшая из дома бабушка скомандовала нам быстро спрятаться в доме. Едва мы успели забежать в дом, как услышали во дворе порсячий визг, кудахтанье кур и какие-то разговоры и возгласы на непонятном для нас языке. И только голос плачущей бабушки, и её возгласы: «Да что ж вы, ироды, всё забираете» заставили нас забыть о наших детских забавах и шалостях и понять, что произошло что-то страшное, непонятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.